

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

ФЕЛИСИЯ
ЙАП

ВЧЕРА
РОМАН

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Й 12

Felicia Yap
YESTERDAY

Copyright © 2017 Felicia Yap Ltd
This edition is published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Фаины Гуревич

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-15418-6

© Ф. Гуревич, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Алексу и Хан Ши

*Поселок неподалеку от Кембриджа,
за два года до убийства*

Давай я открою тебе страшную тайну. Для начала покажу фотографию.

Это я когда-то. У меня была плоская грудь и уши торчком. Присмотрись — увидишь в глазах надежду, а в душе огонь. Сейчас ни огня, ни надежды. Погасли за годы изоляции.

А вот другая фотография. Ой, смотри ты, вздрогнула. Неудивительно. На фотографии ты, не кто-нибудь. Твое собственное фото, три на четыре, совсем недавнее. Ты здесь неплохо выглядишь. Белокурые волосы каскадом падают на плечи, буфера впечатляют. Знаешь что? Я переделаю себя так, чтобы стать в точности такой же, как ты. Высветлю волосы и наращу того же размера сиськи.

Ты, кажется, морчишь лоб? Никак не въехать, да? Никак не понять, зачем мне понадобилось быть похожей на тебя.

Сейчас объясню. Я помню все. Точно тебе говорю. Я единственный человек на этой планете, который помнит свое прошлое. Все прошлое. Живо и с подробностями. Я не шучу. И этим, черт возьми, я от вас отличаюсь.

Ты что, мне не веришь?

ФЕЛИСИЯ ЙАП

Тоже ничего удивительного. Как все пять миллиардов моно, ты помнишь только то, что происходило вчера. Просыпаешься каждое утро, а в голове — факты. Тщательно отобранные информация о себе и о других. Выползаешь из кровати и тащишься за айдем, оставленным на блестящей кухонной столешнице. Это твой гаджет, скучный жизненный путь из настоящего в прошлое. Тебе не терпится узнать несколько жалких подробностей, записанных тобою же накануне вечером. Срочно добавить их к воспоминаниям о вчерашних событиях — а также к другим холодным стерильным фактам, которые ты о себе уже знаешь.

В основном мусор, правильно?

Но ты давно к этому привыкла, да? Ты так живешь с восемнадцати лет, когда скучился твой убогий умишко. Еще бы тебе не завидовать дуо, у которых кратковременная память слегка лучше твоей. При этом вы все равно одинаковые.

Однаковые ничтожества.

Хочешь, я скажу тебе простую истину, раз уж тебе предстоит узнать меня настоящую?

Помнить все — значит помнить и то, что другие люди с тобой сделали (даже если они сами этого не помнят). Вплоть до мелких и отвратительных подробностей. Что заставляет тебя постоянно думать о мести тем, кто нагадил тебе так сильно. Очень очень очень сильно. Скажем, из-за них ты провела семнадцать лет в психиатрической лечебнице. Страстное желание отплатить, не дающее тебе спать в самые темныеочные часы, когда исчезает ухмылка луны и умолкают совы, — оно оттуда.

Когда помнишь все, привыкаешь доводить все до конца. Например, месть.

ВЧЕРА

Удобно, черт возьми, как ты думаешь?

Именно поэтому я, София Алисса Эйлинг, доведу это дело до конца.

Отличная будет месть. Особенно если посмотреть на все, что ты со мной сделала. На жуткие мелочи, происходившие по твоей вине все эти годы. Я помню их вместе и по отдельности. Итоговая сумма незабытых обид — вот что питает ненависть. О да. Месть будет легкой.

Ведь никто не запомнит, что я с тобой сделаю.

Кроме меня.

Счастье — это процесс. Несчастье —
состояние.

Дневник Марка Генри Эванса

Глава первая КЛЭР

На кухне стоит мужчина и хнычет. Он перегораживает мне проход к мраморной столешнице, на которой лежит мой айдай, упорно мигая фиолетовым диодом. Скосив глаза, я вижу, что мужчина держится левой рукой за правую и морщится от боли. Из правого указательного пальца течет кровь. Вокруг мужчины — осколки заварочного чайника.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Выскользнул из рук, — отвечает мужчина и трагически кривится.

— Дай посмотрю. — Я огибаю керамические осколки.

Когда я подхожу к мужчине поближе, золотое кольцо на его руке насмешливо вспыхивает. И словно по сигналу, в голове у меня прокручиваются главные факты о муже, выученные за все эти годы. Имя: Марк Генри Эванс. Возраст: 45 лет. Профессия: литератор, однако надеется после следующих выборов стать депутатом парламента от Южного Кембриджа. Мы поженились в 12:30 30 сентября 1995 года в капелле Тринити-колледжа. На свадьбе присутствовало девять гостей. Родители Марка отказались приехать. Я обещала капеллану Уолтерсу повторять себе каждое утро, что люблю Марка. Свадьба стоила 678 фунтов 29 пен-

ФЕЛИСИЯ ЙАП

сов. Последний раз у нас с мужем был секс больше двух лет назад, 11 января 2013 года. Марк кончил через шесть с половиной минут.

Я еще не решила, должно это множество накопленных фактов о собственном муже расстроить меня, огорчить или разозлить.

— Хотел поймать, — говорит Марк, — но он отскочил от посудомойки.

Я рассматриваю глубокий порез на его указательном пальце. Длиной почти дюйм. Перевожу взгляд на лицо Марка, отмечая глубокие складки поперек лба. Веер неспокойных морщин вокруг глаз. Перекошенный рот. Вспоминаю, как ночью он метался в кровати, словно во сне за ним кто-то гнался.

— Выглядит жутко, — говорю я, — сейчас принесу пластырь.

Поворачиваюсь к мужу спиной и торопливо взбегаю по лестнице. Факт: аптечка лежит в туалетном шкафу рядом с зеркалом. Прежде чем ее достать, я замираю перед своим отражением. На меня смотрят совсем не те затравленные глаза, что я видела вчера. Зрачки сегодня чище. Но щеки все равно отечные. И кожа вокруг глаз припухла.

Я вчера плакала, перед тем как уснуть. Почти весь день провела в постели.

Я спрашиваю себя: из-за чего? Я изо всех сил всматриваюсь в растянутое зеркалом лицо, надеясь, что на ум мне придут подходящие факты. Но причины вчерашних слез порхают, и их не достать, словно крылья неуловимой бабочки. Я только помню, как рыдала, зарываясь лицом в подушку, и отказывалась есть. Признав поражение, строю соответствующую гримасу — лицо в зеркале хму-

ВЧЕРА

рится мне в ответ. Вчерашнее несчастье наверняка вызвано чем-то происходившим два дня назад. Но чем?

Я не помню, что происходило позавчера. Просто не могу. Я помню только то, что было вчера.

Меня ждет муж, говорю я себе со вздохом. Достаю из шкафа аптечку и спускаюсь на кухню. Марк сидит за столом, баюкая порезанный палец. Рот по-прежнему искривлен в мучительной гримасе.

— Дай посмотрю. — Я открываю аптечку.

Вытираю кровь ватным тампоном, и Марк дергается. Порез гораздо глубже, чем я думала.

— Нужно сначала продезинфицировать. — Достаю бутылочку с антисептиком и вытаскиваю пробку.

— Да не суешься ты.

— Я не хочу, чтобы у тебя потом загноилось.

— Это просто небольшой порез.

Не обращая внимания на его протесты, я выливаю на рану щедрую дозу антисептика (Марк снова дергается) и заматываю палец пластырем. Марк открывает рот, намереваясь что-то сказать, но потом закрывает и хмурится.

Я целую его замотанный палец, затем встаю и беру со столешницы айдай. Кладу большой палец правой руки на специальную дактилоскопическую кнопку, и фиолетовый диод «**ОТКРЫТЬ ВЧЕРАШНЮЮ ЗАПИСЬ**» перестает мигать. Скролю до последней записи. Вчера вечером я написала:

11:12. Проснулась с ужасным чувством. Бремя знания давит на плечи. Целый час проплакала в постели. В 12:25 нашла спящего Марка у него в кабинете; разбудила и отдала ему подарок — хотя до дня рождения еще целая неделя. Разрыдалась и снова легла в постель.

ФЕЛИСИЯ ЙАП

Забросила все домашние дела — даже сад. Отказалась от обеда и от ужина. Марк несколько раз заходил в спальню с заботливым видом и говорил, что завтра все придет в норму. Он прав. Вчерашний кошмар к утру исчезнет. В 21:15 выбралась на поверхность ради банана, таблеток и двух стаканов виски, потом снова легла в постель.

Точное, хоть и скучное описание всего, что случилось вчера. Но запись не объясняет, почему я плакала. Она лишь предполагает, что вчерашнее несчастье было вызвано чем-то, что случилось два дня назад. Чем-то кошмарным. Я отматываю экран к предпоследней записи.

Гроза до 9:47. После вывела Неттла гулять. Обед из ростбифа с картофелем, в 13:30 съела в оранжерее в одиночестве. Марк попросил принести ему обед в кабинет, чтобы он мог продолжать писать. Поехала в 16:50 на Гранд-роуд, где мы долго болтали с Эмили за чаем с пышками. Вечером никаких событий. Марк вернулся в кабинет, чтобы еще поработать. Сидела, поджав ноги, перед телевизором с остатками еды из микроволновки.

Эта запись меня раздосадовала и даже поразила. Я предполагала, что она хоть как-то прольет свет на причины вчерашних страданий. Вместо этого краткость и какая-то муть. Я еще раз вчитываясь в каждое слово, но ощущаю ту же пустоту. Марк может знать, что случилось в тот день. В отличие от меня, он дуо — помнит два дня, вчерашний и позавчерашиий. Это отличает его от большинства из нас. Из-за этого он считает себя выше.

— Я помню, что проплакала весь вчерашний день, — говорю я, отмечая, что хмурость на лице Марка никуда не делась. — Но не могу понять из-за чего.

ВЧЕРА

Наши глаза встречаются. У Марка в зрачках темный отблеск, смысл которого я не могу постичь. Гнев? Горе? Или страх?

Он отворачивается и, перед тем как ответить, несколько секунд пристально смотрит на цветок орхидеи.

— Позавчера ты забыла вечером принять лекарство, — говорит он. — Вчера из-за этого случился рецидив.

Наверное, он прав. Факт: 7 апреля 2013 года доктор Хельмут Йонг из больницы Адденбрука прописал мне два лекарства, которые я с тех пор и принимаю. Лексапро и престик. Две таблетки первого и одну — второго, каждый день. Я тянусь к коробке на столешнице, прокручивая в уме нужные детали. Факт: 1 июня 2015 года в 14:27 я приехала в ньюнемскую аптеку и обменяла рецепт доктора Йонга на две упаковки лекарств. Шестьдесят и тридцать таблеток соответственно, ровно на месяц.

Я пересчитываю таблетки в серой коробке. Должно быть пятьдесят и двадцать пять. Вместо этого получается пятьдесят две и двадцать шесть.

— Так и есть, — говорю я со вздохом. — Забыла принять лекарства.

Марк хмыкает и встает со стула. Я отмечаю, как чуть-чуть расслабились его напряженные плечи.

— Я уберу, — говорит он.

Пока Марк возится с совком и щеткой, я достаю из холодильника бутылку молока. У меня урчит в животе. Насыпаю в миску кукурузные хлопья. Сажусь за стойку, беру ложку в руку, включаю радио. Кухню заполняет треск помех, через секунду его пробивают позывные веб-сайта со сравнительными обзорами автомобильных страховок. Марк

ФЕЛИСИЯ ЙАП

заметает на совок последний осколок. Потом он решает все же выпить чая, достает кружку и кладет в нее пакетик «Эрл Грея».

«Доброе утро, Восточная Англия, — говорит по радио мужской голос. — В эфире восьмичасовые новости. Ее величество утвердила парламентский акт, поощряющий смешанные браки между моно и дуо, которые составляют, как показывает перепись две тысячи одиннадцатого года, семьдесят и тридцать процентов населения соответственно. Слишком долго этим союзам препятствовали укоренившиеся в обществе культурные предрассудки. В две тысячи четырнадцатом году в Британии зарегистрировано всего восемьдесят девять смешанных браков».

Я украдкой бросаю взгляд на Марка. Он размешивает сахар, и рот его выгибается веселее, пусть на крохотную долю. Я знаю, почему ему приятно. Хорошая новость для его предвыборной кампании. Факт: двадцать лет назад, несмотря на резкое неприятие своей семьи, ему хватило духу жениться на моно по имени Клэр Буши. Он тот дуо, которого напрямую касаются нужды, надежды и страхи всех моно Британии. Он женат на одной из них.

«Последние научные исследования доказали, что у моно-дуо-пар с семидесятипроцентной вероятностью рождаются дети-дуо».

Дети. Факт: я хочу ребенка. У меня сжимается сердце от мысли о маленьком существе, рожденном для заботы и любви. Но как мне родить ребенка, если из нашего брака ушел секс?

«Правительство убеждено, что увеличение процента дуо поднимет продуктивность и конкурентоспособность британской экономики, — продол-

ВЧЕРА

жает диктор. — Ее росту будет способствовать закон о смешанных браках — парламентский акт, предоставляющий налоговые льготы моно-дую-союзам. Закон должен вступить в силу пятнадцатого февраля две тысячи шестнадцатого года».

Если бы они знали. Есть факты. Я заставила себя выучить их, нравятся мне они или нет.

Факт: моно, состоящие в браке с дуо, сталкиваются с ежедневным напоминанием о границах своей памяти. Это обрекает их на хроническое чувство неполноценности. Возможно, поэтому я столько лет принимаю антидепрессанты. В то же время я не допускаю даже мысли о том, чтобы оставить человека, который на мне женился, пропигнорировав самое сильное табу общества, ибо в этом случае мои перспективы будут гораздо хуже. Факт: Марк получил 350 тысяч фунтов аванса за свой самый успешный роман «На пороге смерти». Мы живем в Ньюнеме, в особняке с видом на Кэм. Шесть спален, оранжерея, сад на 1,4 акра. Дважды в год отпуск на Карибах, билет в первом классе. Выйди я замуж за такого же моно, как я, до сих пор бы работала официанткой в «Универблюзе».

Теперь диктор бубнит о вчерашних футбольных разборках между Англией и Германией.

Я вздыхаю, зачерпывая еще одну ложку хлопьев. Они хрустят, сиропная сладость обволакивает язык. У меня не жизнь, а идиллия — но только снаружи. Факты говорят достаточно. Если бы в моей жизни был ребенок. Годы идут, и пустота делается все глубже — мне уже тридцать девять лет. И если бы у меня была память, как у Марка. Этот провал разделяет нас, становясь непреодолимой пропастью.

ФЕЛИСИЯ ЙАП

Диктор что-то говорит о Кембридже. Я навостряю уши.

«Тело женщины средних лет найдено сегодня утром в реке Кэм около поселка Ньюнэм, в районе заповедника».

Слова тонут в помехах. Я поднимаю взгляд от миски с хлопьями. Марк роняет чашку. На полу кухни дюжина осколков. На столе перед ним дымящаяся лужа «Эрл Грея». К ноге прилип размокший чайный пакетик.

«Пресс-секретарь отделения полиции Кембриджшира заявил, что обстоятельства смерти выглядят подозрительными и что ведется расследование, — говорит диктор. — Переходим к прогнозу погоды: метеорологический центр сообщает, что день будет ветреным».

Я выключаю радио. Наступившая тишина удваивает тревогу.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Марк не отвечает. Его глаза смотрят внутрь. Плечи вытянулись напряженной линией.

— Это из-за новостей об умершей женщине?

Муж моргает. Кажется, я не ошиблась. Это из-за нее. Но почему?

— Я... меня просто шокировала эта новость, — говорит он, запинаясь. — Наверное, ее нашли в Райском заповеднике, у дороги. Это ужасно. Вот из-за чего сегодня утром гудела полицейская сирена.

Я всматриваюсь в его лицо. Челюсти сжаты.

— Не понимаю, отчего ты так развлновался.

— Вовсе нет, — возражает Марк, хотя напряженные плечи говорят об обратном. — Просто невнимательность. Сначала чайник, теперь чашка. Извини. Я сейчас все уберу.

Он поворачивается ко мне спиной и выходит из кухни.

Я смотрю на остатки кукурузных хлопьев у себя в тарелке. Есть больше не хочется.

Марк смел с пола остатки чашки и ушел в дальний конец сада, где у него оборудован кабинет. Мне не терпится взять Неттла и прогуляться до Райского заповедника. Часть парка наверняка оцеплена, но может, удастся подсмотреть, что там происходит у полиции.

Цепляю к ошейнику поводок и выхожу с собакой на солнце. Утренний воздух хрустит, чувствуется прохлада. От тротуара доносится слабый аромат жимолости. Мы направляемся к калитке у края Грантчестерского луга. Неттл рвется вперед, почуяв кролика, а то и двух. Я натягиваю поводок. Калитка скрипит, мы вступаем в заповедник. Земля под ногами мягкая, местами даже хлюпает. Множество следов, в основном свежих. Впереди пляшет бабочка-карглазка, ее силуэт мерцает в солнечных лучах.

Мы пробираемся по заросшей тропе мимо старых ив, оставляя справа мутную заводь реки Кэм, и до меня доносятся приглушенные голоса. Вдалеке видны черные шлемы. Подхожу ближе. У берегового дощатого настила топчутся несколько человек, все смотрят в одну сторону. Трое полицейских не подпускают их ближе. Между двумя деревьями намотана и завязана бантом желтая лента, концы треплет ветер.

Притянув к себе Неттла, я присоединяюсь к людям. Мужчина в джинсах и мягкой куртке воится с камерой. Комментатор в костюме и с отросшей челкой вещает в микрофон. Все остальные

ФЕЛИСИЯ ЙАП

таращатся на берег реки. Встав на цыпочки, я заглядываю поверх их голов.

— Никаких смартфонов! — Полицейский гро-зит пальцем мальчишке.

Представшая моим глазам картина меня разочаровывает. Тела нет, даже в мешке. Только двое мужчин в белых защитных костюмах и голубых резиновых перчатках. Один из них запечатывает что-то в пластиковый пакет. Второй фотографирует нависшее над Кэмом большое дерево. Его огромный ствол тянется футов на двадцать, частично погруженный в воду, потом выпрямляется, расходясь ветками и листьями.

— Что происходит? — Я поворачиваюсь к мужчине в оранжевых флуоресцентных беговых кроссовках.

— Утром здесь нашли мертвое тело.

— А почему я его не вижу?

— Ее недавно увезли, вон по дорожке. — Он указывает на другую тропу, противоположную той, по которой пришли мы с Неттлом.

— Должно быть, жуткое зрелище.

— Когда я здесь пробегал, ее как раз уклады-вали в мешок. Часа два уже прошло. Блондинка. Длинные волосы. Лица я не рассмотрел.

— Знаете, как ее нашли?

— Да, подслушал, что говорил этот человек. — Он указывает пальцем на комментатора с микро-фоном. — Другой бегун заметил что-то в тростни-ке, она там застяла лицом вниз. Прямо у корней этого большого дерева.

— О господи.

— Надо мне было встать сегодня пораньше. Тогда бы я ее первый заметил.

— Интересно, знают они уже, кто она такая?

ВЧЕРА

— Человек из новостей сказал, что в кармане нашли водительское удостоверение. Но имени не назвал.

Я киваю.

— Ладно, я пошел. Тут уже становится скучно. Милая собачка.

Он поворачивается и убегает, сверкая среди деревьев кроссовками. Я отмечаю, что комментатор складывает микрофон. Камера тоже выключена. Я ослабляю поводок Неттла и тяну его к дому между шуршащих на ветру ив.

Бедняжка. Что с ней могло случиться?

Дома я не нахожу Марка. Наверное, он все еще в кабинете. Снимаю с Неттла ошейник и насыпаю ему в миску щедрую порцию сухого корма. Пока он с хрустом его поглощает, я натягиваю на себя комбинезон и перчатки. Дневник утверждает, что я не занималась грядками как минимум два дня. Сад наверняка вопиет об обрезке и прополке. Всеми своими 1,4 акра.

Распахиваю дверь оранжереи и снова выхожу на солнце. Поднялся ветер. Ступаю на асфальтированную дорожку, ведущую к кабинету мужа. Гроза, разыгравшаяся позавчера утром, оставила следы разрушения по всему саду. Повсюду валяются обломанные ветки и оторванные прутья. Сотни листьев — ветер поднимает их в воздух и закручивает кругами. Буря даже выкорчевала несколько полированных черных и белых камней у края садовой дорожки. На их месте остались темные углубления без травы.

Я не вижу, куда унесло камни. Наверное, их утащил Неттл. Есть у него манера хватать и припрятывать что попало — дневник говорит, что

ФЕЛИСИЯ ЙАП

в прошлое Рождество я нашла у него в корзинке два булыжника и погрызенный теннисный мяч. Я умею выучивать мелкие случайные факты, что бы там Марк ни думал.

Достав из-под садового навеса грабли, я принимаюсь за работу. Вскоре около живой изгороди перед домом собирается груда оборванных листьев. От этой кучи успокаивающе веет запахом земли. Работа в саду лечит, — наверное, это правда, поскольку тяжесть у меня в животе постепенно уходит. А может, все дело во внушительной груде листьев — она свидетельствует о том, что я сделала сегодня утром что-то полезное. Домохозяйкам вроде меня приходится измерять ежедневные достижения числом предметов, которые они вычистили или надраили. Только это, пожалуй, и удерживает нас от безумия (или укрощает депрессию). В отличие от Марка, у меня нет книг с миллионными тиражами, которыми можно было бы гордиться.

В отличие от моего мужа, я мало чем могу гордиться в жизни. Так говорит мой дневник.

Не помогает делу и тот факт, что Марк, подобно большинству дуо, втайне считает моно тупыми. Он думает, что раз мы не способны помнить происшедшее два дня назад, то и ум у нас тоже ограничен. Что мир вокруг себя мы воспринимаем близоруко. Ему не хватает смелости сказать это мне в лицо. Но я знаю, он думает об этом всякий раз, когда я открываю рот. Мой дневник подтверждает: все эти двадцать лет я сношу покровительственные насмешки от собственного дуо-мужа.

Но я не буду вдаваться в подробности. Я не стану думать о собственной неполноценности, истинной или мнимой. Особенно теперь, когда у меня наконец-то поднимается настроение.

ВЧЕРА

Я достаю из-под садового навеса пару больших мешков для мусора и с новыми силами начинаю сгребать в них листья. Вдалеке что-то тренькает. Похоже на дверной звонок. Наверное, почтальон.

Я отворяю боковую калитку в живой изгороди и выхожу за угол к парадной двери дома. На крыльце стоит мужчина, лицо его повернуто от меня под углом. Это не почтальон. Худое точеное лицо, сильная угловатая линия подбородка. На висках налет седины. Идеально белоснежная сорочка безупречно отглажена. Оксфордские брюки начищены до блеска.

— Чем могу помочь? — спрашиваю я.

Мужчина вздрагивает от неожиданности и обворачивается.

— Ох... — произносит он.

Взгляд останавливается на мне, отмечая грязный комбинезон и такие же башмаки. Радужки серо-стального цвета притягивают, словно магнит. Незнакомец лезет в нагрудный карман и достает оттуда бейдж с фотографией, прикрепленный к черному складному кошельку. Знак имеет форму снежинки с короной внутри.

— Ханс Ричардсон, полиция Кембриджшира, отдел уголовного розыска. Хотел бы поговорить с Марком Эвансом.

— Зачем?

— Следствию нужна его помощь.

— Какому следствию?

— Мы расследуем гибель женщины.

Я смотрю на инспектора, разинув рот.

— Случайно, не... э-э... той женщины, про которую передавали в утренних новостях? Ее тело нашли в Кэме.

ФЕЛИСИЯ ЙАП

— Именно так, — кивает он. — Я главный следователь этого дела. И буду признателен, если вы позовете мистера Эванса. Это ваш муж, полагаю?

Я киваю. Что-то в этом мире с самого утра идет не так, но я не могу нащупать, что именно. Мои глаза скачут в сторону от Ричардсона; перед домом припаркована патрульная машина в желто-голубую клетку. За рулем водитель в форме, усатое лицо трудно рассмотреть сквозь затемненное стекло. Из окрестных домов высовывают головы соседи, одна, в нарядном сиреневом платье, даже вышла на крыльцо, чтобы получше нас разглядеть. Мне давно действует на нервы этот ряд однотипных домов напротив нашего.

— Марк работает у себя в кабинете, — говорю я, торопясь увести Ричардсона от глаз соседей, — пойдемте.

Я веду инспектора за угол дома, замечая повторяющийся узор на его шелковом галстуке. Похоже на греческий символ «пи», который мы когда-то проходили в школе. Неттл бросается к нам. Ричардсон пригибается почесать собачью голову и получает за это энергичный визг. Когда мы проходим через открывающуюся в сад боковую дверь, я набираюсь храбрости и спрашиваю:

— Как ее звали?

Инспектор морщит рот, потом отвечает:

— София Эйлинг.

Имя не высвечивает у меня в голове ни единого факта.

— А почему ее гибель... э-э... выглядит подозрительно?

— Не могу вам сказать, — качает он головой. — Извините. Прекрасный сад, кстати говоря. Очень интересно.

ВЧЕРА

— Спасибо. Я позову мужа.

Ричардсон кивает. Я ухожу по садовой дорожке за Марком. Тревога вздымается волной и захлестывает сердце, смывая все остальное. Не может быть никакой связи между Марком и Софией Эйлинг. Я не знаю о ней ни единого факта. Чтобы убедиться в этом, я останавливаюсь посреди дороги, достаю айдай и набиваю ее имя. Результатов — ноль.

Подойдя к дверям Маркова логова, я стучусь. Изнутри доносится громкий стон.

— Я же пишу, Клэр! — Голос Марка приглушен, но в нем ясно слышится раздражение. — Сколько раз уже просил не беспокоить меня, когда я пишу. Обязательно впечатай это сегодня себе в дневник. И потрать побольше времени на изучение фактов.

— Это срочно, Марк. Пожалуйста, выйди.

Я слышу приглушенное чертыханье и наконец звук приближающихся шагов.

Дверь распахивается с громким скрипом, выставляя на обозрение идеальный порядок кабинета. Мой муж стоит передо мной, глядя в пространство. Вид у него диковатый. Если он писал весь последний час, это действие, должно быть, сильно его возбудило.

— С тобой хочет поговорить детектив. Ханс Ричардсон, полиция Кембриджшира, отдел уголовного розыска. Он расследует дело той женщины, про которую утром говорили по радио.

Кровь отливает у Марка от лица. Левая рука дрожит.

«Сайентифик Америкен»,
15 сентября 2005 года

**Все записано в наших генах:
Ученые обнаружили ген (и белок),
ответственный за разделение общества
по глубине памяти**

Ученые Гарварда идентифицировали генный триггер, отвечающий за разницу в глубине кратковременной памяти между дуо и моно. Этот ген регулирует производство особого протеина, так называемого цАМФ¹ — ответного элемента активирующего белка, более известного под латинским наименованием CREB.

Образцы крови, собранные у пяти тысяч добровольцев, подтверждают очень низкий уровень CREB у взрослых — как дуо, так и моно, — в отличие от подростков моложе восемнадцати лет. При этом уровень CREB в крови дуо все же выше, чем у моно, что увеличивает глубину их кратковременной памяти до двух дней вместо одного.

Ученые считают, что производство этого белка ингибируется в возрасте двадцати трех лет у дуо и восемнадцати — у моно, разделяя, таким образом, человечество на две группы с разной глубиной памяти. Они пытаются понять, как и почему это происходит и всегда ли было именно так.

¹ ЦАМФ — циклический аденоzinмонофосфат. — Здесь и далее примеч. перев.

ВЧЕРА

Дуо Патрик Килберн, возглавляющий эти исследования, полагает, что генный триггер можно переключить синхронизированной комбинацией физического и эмоционального стрессогенных факторов. Для того чтобы это произошло, травмы обеих форм должны совпасть по времени, настаивает ученый. Мыши, подвергшиеся одновременно физическому и эмоциональному шоку, обладают повышенным уровнем CREB и более глубокой кратковременной памятью.

Пресс-секретарь Международного фонда памяти (МФП) — организации, финансирующей эти исследования, — сказал: «Открытие генного триггера предоставляет человечеству прекрасную возможность улучшить в недалеком будущем свою память. По меньшей мере в один прекрасный день мы сможем всех моно конвертировать в дуо».

Глава вторая МАРК

Когда утром передали эту новость по радио, я думал, хуже уже некуда. Оказалось — есть куда.

Говорят, счастье — в незнании. Я снова смотрю в глаза Клэр — в те самые глаза, что заворожили меня двадцать лет назад в «Универ-блюзе» (так говорит мой дневник). Зрачки сегодня кристально чистые, бремя знания не оставило на них пятен. Всего один день, и такая разница. Вчера из них выплескивалась мучительная агония. Сегодня это лавандовые радужки безмятежной женщины — комфорт защищен беспамятством, пытка знанием отменена.

В верхушках деревьев завывает ветер.

Впервые в жизни я готов отдать все, чтобы стать моно, как Клэр. Именно сегодня. Знаю, что она мне завидует. Сильно. Эта беда то и дело проявляет себя в нашем браке — и в моем дневнике. Я потерял счет фразам, начинающимся с «очередная тирада Клэр о том, что все дуо...».

Как же плохо она понимает, что у нее куда больше оснований быть счастливой именно потому, что она моно.

Я глубоко вздыхаю в надежде успокоить скучающие мысли.

— Очень странно, — говорю я.

— Инспектор Ричардсон ждет, Марк. — Клэр скрещивает на груди руки, не сводя с меня беспокойного взгляда.

Мне остается лишь последовать за ней по садовой дорожке к тому месту, где стоит детектив. Издалека видно, что он высок и хорошо сложен, с сильными плечами. Не до шуток, я здесь по делу, говорят эти плечи.

Скосив глаза, я замечаю, как этот человек прячет что-то в карман. Похоже на футляр от камеры. Проклятье. Что он фотографировал у меня в саду? Оставшиеся несколько ярдов я прохожу быстрее.

— Доброе утро, инспектор, — говорю я.

Вблизи я отмечаю, как хорошо черты его лица сочетаются с орлиным носом.

— Доброе утро, мистер Эванс.

— Как я понимаю, вы хотите со мной поговорить.

— Извините, что беспокою вас. Я знаю, как вы заняты. Но у меня есть печальные новости о мисс Софии Эйлинг. К моему глубокому сожалению, ее тело нашли в Кэме ранним утром.

— Что?

— В подобных случаях стандартная процедура требует взять свидетельские показания у друзей и родственников. Нам нужно восстановить картину действий покойной перед собственной смертью и предоставить экспертам, производящим вскрытие, все необходимые факты. Вы, очевидно, были знакомы с мисс Эйлинг. Не возражаете против того, чтобы поехать со мной в отде-

ФЕЛИСИЯ ЙАП

ление на Парксайд для дачи показаний? Это не займет много времени.

Слышно, как Клэр со свистом втягивает воздух.

— Вы сказали... вы сказали, что Марк и София были знакомы?

— Да, — кивает инспектор.

— Марк... — Клэр поворачивается ко мне, в расширенных зрачках — обвинение. — Это факт?

Проклятье. Я обязан погасить уже дымящееся в глазах жены подозрение.

— Сейчас проверю, — говорю я ей, доставая дневник и изучая его с самым невинным выражением, на которое способен.

— Дневник утверждает, что я познакомился с Софией два года назад, в Йорке, на писательском фестивале, — говорю я. — Начинающая романистка, пишет о... гм... пациентах психиатрической лечебницы. В частности, об их наркотических фантазиях. Попросила меня подписать ей экземпляр романа «На пороге смерти». Сказала, что она большая поклонница моих книг. Как вы узнали, что мы с ней знакомы, инспектор?

— Мисс Эйлинг писала о вас в своем дневнике.

Черт. Как мог Софиин дневник попасть в руки инспектора?

— Мне странно слышать, что вы имеете доступ к ее дневнику, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Если я правильно изучил факты, закон о правах человека защищает право личности на тайну. Включая тайну переписки и дневников.

— Совершенно верно, сэр, но только в общем смысле. — Детектив на секунду умолкает, скривив рот. — В девяносто восьмом году была принята поправка к закону о защите данных, представляющая полиции — в случае необходимости и при наличии специального ордера — доступ к персональным данным. Мы можем конфисковывать или проверять электронные дневники, если затронуты интересы национальной безопасности. Или при расследовании таких преступлений, как убийство или похищение детей. Очень серьезных правонарушений, понимаете? — (Я тяжело сглатываю слону.) — Так что мы сразу затребовали ордер на инспекцию дневника Софии. Он, как мы полагаем, поможет расследовать обстоятельства ее смерти.

— Что София писала обо мне?

Детектив молча качает головой, выставив вперед челюсть.

— Инспектор, — я смотрю ему прямо в глаза, — вы только что сказали, что тело этой несчастной выловили из Кэма. Вы стоите у меня в саду и просите меня о помощи. Я желаю знать подробности.

— Вы действительно этого хотите?

— Да, и я настаиваю.

— Ну, если настаиваете... — Он бесстрашно выдерживает мой взгляд.

Слышно, как Клэр вновь со свистом втягивает воздух.

— По дневнику Софии можно предположить, что после встречи в Йорке вы с ней стали весьма близки... — У детектива дергается уголок рта.

Клэр отступает назад. С таким видом, словно ее ударили под дых. Однако ужас, читающийся у нее на лице в первую секунду, тут же сменяется чем-то другим. Щеки горят грозовым огнем. Над ними и над прикушенной губой полыхают глаза.

У меня есть четыре возможности:

- а) все отрицать;
- б) все валить на характер Софии;
- в) выяснить, что писала обо мне София в своем дневнике, — желательно, когда рядом не будет Клэр;
- г) все вышеперечисленное.

— Это ложь, — говорю я, сжимая пальцы в кулак. — София все выдумала. Она говорила, что без ума от моих книг. Без ума от меня, хотя мы раньше не встречались.

Детектива это не убеждает.

— Она писала то, во что хотела верить. У нее было расстройство психики. Вы понапрасну тратите время, инспектор.

— Я обязан проверить всех, кто был с ней связан, — у детектива твердеет челюсть, — включая мужчин, с которыми мисс Эйлинг была весьма близка.

Я смотрю на Клэр. Пальцы у нее сжаты, как и у меня. В глазах пузырится все та же жидккая лава. Но слава богу, мою жену можно убедить, если это делать со всей настойчивостью, — к тому склоняют меня дневниковые заметки за последние двадцать лет. Факт: в одной из записей за июнь 1995 года говорится, к примеру, что Клэр неравнодушна к малиновым розам и что «долгая,

ВЧЕРА

упорная мольба — ключ к ее неподатливому сердцу».

Тем не менее меня передергивает. Стоит таблоидам прослышиать, что я один раз изменил Клэр, и можно попрощаться с мечтами о парламенте.

— Инспектор, — говорю я, — надеюсь, вы не намерены меня арестовать?

— Господи боже, нет. Конечно нет, сэр. Нам нужны всего лишь свидетельские показания.

Трудно решить, должно это меня напугать или успокоить.

Ричардсон прокашлиивается и слегка дергает подбородком.

— Вы хотите знать, что писала о вас София? — говорит он. — Что ж, наш ордер позволяет частично раскрыть содержание ее дневника лицам, которых расследование касается напрямую. Я могу поделиться с вами некоторыми деталями, когда мы приедем в отделение.

Детектив, наверное, думает, что я отдаю все, лишь бы узнать, что она обо мне писала.

— Я поеду с вами, инспектор, — говорю я со стоном. — Я буду добровольно помогать следствию, несмотря на полный бред в голове Софии относительно природы наших отношений.

— Благодарю вас.

— Верь мне, Клэр! — говорю я, заглядывая ей в глаза с самой горячей мольбой, на которую только способен.

Но Клэр не отвечает, и я шагаю вслед за детективом по садовой дорожке к машине.

Я думал, меня отведут в комнату для допросов. Вроде тех, что показывают в кино, — голые

ФЕЛИСИЯ ЙАП

стены, стол, стул, мощная галогеновая лампа светит прямо в глаза несчастному подозреваемому.

Вместо этого меня проводят в кабинет Ричардсона. Рабочий стол почти пуст: компьютер, чайто айдай (может, Софии?), цифровой диктофон и гигантский скрепкосшиватель. Почетное место в левом углу стола занимают деревянные шахматы. Пешки уже вступили в ожесточенную схватку. Ни огромных стопок бумаг, ни разбросанных в беспорядке картонных папок, ни чашек с заплесневелыми остатками кофе пятидневной давности. Однако полки позади стола позволяют кое-что узнать о Ричардсоне. Блокноты с цветными наклейками составлены безупречными рядами и следуют друг за другом в точном соответствии с оттенками этих наклеек.

Нужно быть осторожным.

Не показывать, что мне страшно, даже если это так.

В глаза бросается металлическая доска на задней стене с выгравированным на ней текстом:

Озарениям не прикажешь. Они просто случаются.
Не прикажешь и вдохновению.
Оно является, когда не ждешь.
Но сложные задачи решаются за день.
Если гнаться за ними с большой дубиной.

Неизвестный автор

Мне просто необходимо быть начеку. Предельно осторожным. Я нюхомчулю людей из породы инспектора Жавера¹, которые в погоне за

¹ Инспектор Жавер — персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные», талантливый сыщик, свято верящий в правоту закона, но играющий в романе роль антагониста.

ответами перевернут все камни до единого. У таких работа заполняет легкие с каждым вдохом. Горбоносый детектив не успокоится, пока не выудит правду.

— Спасибо, что согласились приехать, — говорит Ричардсон. Потом указывает на сержанта, что зашел вместе с нами в кабинет, — серьезного молодого человека с толстыми, словно гусеницы, бровями. — Это сержант Дональд Ангус, он будет впечатывать ваши свидетельские показания в формуляр MG11, согласно инструкции. Потом вы подпишете этот формуляр.

Я киваю.

— Значит, вы дуо, мистер Эванс.

— Разумеется.

— Как давно вы женаты?

— Двадцать лет.

— Дети?

— Нет.

— Вы успешный литератор. При этом вы надеетесь пройти в парламент от Южного Кембриджшира и будете участвовать в выборах как независимый кандидат.

— Совершенно верно.

— Что сказала София Эйлинг, когда подошла к вам после выступления в Йорке?

— Сейчас посмотрю.

Я достаю айдай, набираю на клавиатуре запрос и вновь поднимаю взгляд на Ричардсона:

— Сказала, что ей очень нравятся мои романы. Что она читает их уже много лет. И надеется, что ее неопубликованную рукопись ждет такой же успех. Так, по крайней мере, говорит мой дневник.

Йап Ф.

Й 12 Вчера : роман / Фелисия Йап ; пер. с англ.
Ф. Гуревич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2019. — 464 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-15418-6

Впервые на русском — «лучший психологический триллер последних лет» (*Observer*) и «умопомрачительный — в самом буквальном смысле слова — дебют» (*Red Magazine*).

В мире есть два типа людей: те, кто помнит только вчерашний день, и те, кто помнит последние два дня.

Единственное спасение — электронный дневник. Каждый вечер вы записываете в него то, что хотели бы запомнить. Каждое утро дневник рассказывает вам, где вы были, что делали и кого любите.

Но сегодня к вам в дверь стучится полиция. Они говорят вам, что из речки выловлено тело любовницы вашего мужа. И они подозревают, что это он убил ее два дня назад.

Можете ли вы доверять полиции?

А мужу?

А себе самой?

«По драматическому накалу „Вчера“ не уступает „Исчезнувшей“ Гиллиан Флинн, а интрига здесь не менее напряженная, чем в „Прежде чем я усну“ С. Дж. Уотсона» (*iNews*).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ФЕЛИСИЯ ЙАП ВЧЕРА

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Владимир Петров

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Валентина Гончар, Светлана Федорова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.04.2019. Формат издания 84 × 100 $\frac{1}{32}$.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 22,62.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABA-23797-01-R